

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

А.Ю. СУНГУРОВ

Эксперты и экспертиза в России: от “объективного прибора” к активному гражданину*

Статья посвящена сравнительному анализу четырех примеров участия экспертных сообществ в процессе принятия политических решений различного типа. Показано, что в рамках анализа традиционных политико-управленческих решений и прогнозирования эксперт рассматривается как своего рода “прибор”, показания которого можно оптимизировать различными методами, а заказчик экспертизы всегда заинтересован в достижении общественного блага. При рассмотрении роли экспертизы в международной сфере анализируются различные причины заказа экспертизы политиками, а активность экспертов в продвижении своих рекомендаций не рассматривается как аномалия, которую необходимо свести к минимуму. В рамках концепции гуманитарной экспертизы гражданская позиция эксперта уже рассматривается в качестве основной, эксперты же методологического движения активно включаются не только в процессы выработки, но и в реализацию совместно разработанных решений.

Ключевые слова: экспертиза, экспертное сообщество, гуманитарная экспертиза, инициативная экспертиза.

DOI: 10.31857/S086904990000383-3

В современной России, так же, как и в других странах, при принятии любых политических и управленческих решений все более возрастает роль их экспертного обоснования. Предметом анализа становится и сама экспертная деятельность, а также различные аспекты взаимодействия экспертов и властных структур (так, в наших предыдущих работах анализировалось такое взаимодействие при принятии политико-управленческих решений [Сунгуров 2017; Сунгуров, Карягин 2017]). Вместе с тем этот анализ часто ведется в рамках конкретных общественных наук, и знания, полученные при этом, могут остаться неизвестными специалистам других наук об обществе. Цель настоящей статьи – анализ существующих подходов к пониманию как самого процесса экспертизы, так и характера отношений заказчика экспертизы и носителя экспертного знания, включая символическую функцию экспертизы и экспертизу инициативную.

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 16-03-00089.

Приведу для начала два определения понятия “эксперт” – одно серьезное, другое – более шутливое:

– эксперт (лат. *expertus* – опытный) в праве – лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле и привлекаемое органами расследования, судом и иными государственными и общественными органами для проведения экспертизы [Словарь...];

– эксперт – это человек, который хотя и не знает ответов на все вопросы, тем не менее уверен, что сможет их найти при условии надлежащего финансирования (Wall-street Journal, New York, 16.11.1998).

В этих двух определениях заложены два направления развития понятия “эксперт”: во-первых – это специалист, привлекаемый тем или иным органом для проведения экспертизы. Здесь корректно говорить о том, чьим экспертом является данный специалист – например эксперт Министерства экономики или эксперт Совета Европы, либо может быть указан характер его экспертизы – например судебно-медицинский эксперт. Во втором случае речь идет об экспертах как о субъектах процесса, и здесь уже возможна их самоорганизация, например, в экспертные сообщества или в экспертные сети.

Анализируя понятие “экспертиза”, можно отметить, что оно описывает не одно, а два явления. Так, в монографии “Сетевая экспертиза” указывается, что основные цели любой экспертизы – это “повышение степени обоснованности принимаемых решений на основе заключений экспертов; контроль за соблюдением соответствия и/или установление соответствия между характеристиками объекта экспертизы и требованиями (условиями, ограничениями), предусмотренными нормативно-правовыми документами различных уровней” [Сетевая... 2011, с. 9]. Этим двум смыслам при переводе соответствуют и два различных, хотя и близких по написанию, слова: «В английском языке “*expertise*” и “*expertize*” – понятия разные. С одной стороны, это право проводить экспертизу, давать заключения специалиста, проявлять искусность, ловкость (*expertize*), с другой – обладание специальными знаниями, компетентностью, эрудицией в какой-либо области (*expertise*)» [Летягин 2011, с. 220].

В понятие “эксперт” заложен важный смысл, отличающий его от просто “ученого”: эксперт должен обладать способностью давать практические рекомендации, в том числе полезные ответы на конкретные вопросы, связанные с практической деятельностью. В этом плане в русском языке к обсуждаемому термину наиболее близко слово “специалист”. Не случайно в острополюемическом тексте С. Кара-Мурзы именно честные специалисты противопоставляются ангажированным российской властью экспертам [Кара-Мурза].

Отмечу, что и экспертами, и специалистами могут быть люди, не являющиеся носителями научного знания, а практики, обладающие большим опытом и способные дать хороший практический совет. Так, в случае неисправности автомобиля его владелец будет обращаться не к инженеру-конструктору, а к знакомому автомеханику, который сможет выявить причину неисправности, даст полезный совет по ее устранению, а по возможности – и сам ее ликвидирует. Этой последней способностью – самому исправить ситуацию – может, кстати говоря, и не обладать эксперт, в отличие от специалиста. Именно поэтому, как мне кажется, в русском языке слово “специалист” несет однозначно положительный смысл, а слово “эксперт” имеет и саркастическую коннотацию.

Рассмотрим прежде всего работы, посвященные анализу традиционной экспертизы в **области управления и прогнозирования**. Начиная с советского времени тематика экспертизы чаще всего обсуждалась в работах, посвященных управлению и прогнозированию. Например, уже в 1974 г. в Киеве вышла в свет коллективная монография, посвященная именно экспертным оценкам в научно-техническом прогнозировании [Добров, Еришов, Левин 1974]. Годом раньше в Москве начал работу постоянно действующий семинар по экспертным оценкам и анализу данных, бессменным руководителем которого был профессор Б. Литвак, автор целого ряда монографий, посвященных экспертизе и экспертным оценкам (см., например, [Литвак 2004]). Другой известный специалист по экспертным оценкам – профессор Московского авиационного института Ю. Сидельни-

ков. Фокус его интересов, начиная с конца 1980-х гг., был направлен на технологии экспертного прогнозирования [Сидельников 1990]. У него сложилось конструктивное сотрудничество с известным советским и российским социологом И. Бестужевым-Ладои, одним из основателей и почетным членом Всемирной ассоциации исследований будущих, и вместе они создали Международную академию будущего. В то же время Сидельников много работал над совершенствованием технологии и экспертного прогнозирования, и экспертной деятельности как таковой. Его учебник по экспертному прогнозированию выдержал несколько изданий [Сидельников 2005].

Эта двойственность экспертных функций раскрывается в монографии “Сетевая экспертиза”, подготовленной группой авторов под руководством профессора А. Райкова. Здесь дается такое определение обсуждаемому понятию: “Эксперт может также определяться как:

- субъект (индивидуальный или коллективный), имеющий знания, личное эмоциональное представление и опыт относительно определенного вида деятельности;
- физическое лицо, обладающее значительными познаниями в некоей области: в политике, экономике, социальной сфере, отрасли, регионе, в науке, технике и технологиях, общественной жизни;
- представитель научных и образовательных учреждений, органов местного самоуправления, общественных объединений, других организаций, приглашаемых органом государственной власти в качестве экспертов” [Сетевая... 2011, с. 9].

Авторы также формулируют две основные цели любых экспертиз:

- “повышение степени обоснованности принимаемых решений на основе заключений экспертов;
- контроль за соблюдением соответствия и/или установление соответствия между характеристиками объекта экспертизы и требованиями (условиями, ограничениями), предусмотренными нормативно-правовыми документами различных уровней” [Сетевая... 2011, с. 9].

И далее, в соответствии с этими целями, они предлагают выделить два вида экспертизы – *экспертизу для принятия решений* и *нормативную экспертизу*.

На мой взгляд, первый включает в себя и разновидность нормативной экспертизы, а именно оценку состояния объекта для принятия решений исходя из каких-то критериев, пусть и не так точно сформулированных, как в нормативной экспертизе. Однако в экспертизе для принятия решений за стадией оценки следует выработка предложений по улучшению состояния объекта или ситуации, а эта стадия уже отсутствует в экспертизе нормативной.

Такое выделение двух видов экспертиз очень важно для понимания сути вопроса, так как в традиционном для нашей страны понимании термина “экспертиза” речь идет именно о нормативной экспертизе, подразумевающей сравнение с некоей нормой. Именно этот смысл понятия “экспертиза” отражен в большинстве толковых словарей русского языка, где речь идет о судебной, медицинской, технической, экологической, врачебной и иной подобной экспертизе.

Наряду с упомянутыми выше учеными среди исследователей экспертных подходов в управлении следует выделить также А. Орлова, Д. Новикова и В. Буркова [Орлов 2010; Новиков 2007; Бурков 2007] – активных участников семинара по экспертным оценкам и анализу данных. Эти исследования ведутся в нескольких направлениях. Первое – разработка и совершенствование наиболее эффективных способов организации работы экспертов, включая и их коллективную работу, и возможность общения в процессе проведения экспертизы (например, совершенствование метода Дельфи).

Второе направление – оптимизация всего экспертного процесса, к участникам которого, кроме самих экспертов, сегодня относят руководителя, аналитика, специалиста по методологическому и методическому обеспечению экспертизы, организатора экспертизы, модератора, тематического куратора и т.д. [Сетевая... 2011]. Так, Райков работает над созданием методов конвергентной экспертизы, позволяющей экспертам быстрее прийти к согласованному решению. Им была разработана и концепция сетевой экспер-

тизы, позволяющая снижать искажающее влияние средних звеньев процесса экспертизы – менеджеров процесса, и обеспечить сетевое взаимодействие экспертов между собой и с заказчиком экспертизы [Райков 2009].

Третье направление – разработка математических моделей поведения самих экспертов в процессе экспертизы, которые позволили бы уменьшить их “стратегическое” поведение, то есть преследование ими своих собственных, отличных от организаторов экспертизы, целей (такое поведение может быть у всех упомянутых выше участников экспертного процесса). Как пишет Н. Абрамова, согласно парадигме активных систем, человек обладает свойством сознательного выбора той модели поведения, которая наиболее отвечает его целям в данной ситуации. В частности, он может внешне действовать в рамках заданных “правил игры”, а фактически следовать своим целям и правилам [Абрамова 2007].

В этом контексте *активной* называется экспертиза, в которой существенна активность (то есть целенаправленность – не всегда “объективная” – поведения) ее участников и их возможности манипулирования результатами экспертизы. Процедуры экспертизы, в которых нейтрализованы возможности манипулирования их результатами (точнее – в которых всем участникам выгодно вести себя честно и добросовестно), называются *неманипулируемыми (или пассивными) экспертизами* [Сетевая... 2011]. Различные подходы к созданию условий для проведения неманипулируемых экспертиз (разработанные с помощью математического моделирования) представлены, например, в работах Новикова с соавторами [Новиков 2007; Бурков, Новиков 2007].

Четвертое направление снижения возможных ошибок экспертных процедур – уменьшение роли неосознанных, непреднамеренных ошибок как самих экспертов, так и организаторов экспертизы. Например, в [Абрамова 2002; Абрамова 2007] говорится, что каждый эксперт обладает своей определенной областью компетенции. В условиях реальной экспертизы, например быстрого изменения обстоятельств, срочности задания или иных стрессовых ситуаций, при подготовке своего заключения он может незаметно для самого себя сместиться из области своей компетентности в область “обыденного знания”. Для обыденного же мышления характерно использование неадекватных стереотипов. По мнению Абрамовой, этому способствуют «объективные и субъективные условия, такие как недостаток времени или познавательных ресурсов для исчерпывающего анализа ситуации, информационная сложность ситуации, неопределенность, отсутствие выбора и др.; специфика действия стереотипов, запускаемых автоматически без достаточных оснований (предполагается механизм условного рефлекса); “факторы веры” – факторы влияния, повышающие субъективную уверенность в адекватности принимаемых решений, помимо их объективной адекватности, вплоть до существенного отклонения от рационального поведения» [Абрамова 2007, с. 16].

Наиболее тяжелыми факторами влияния оказываются научные нормы и парадигмы, обеспечивающие уверенность ученых в своих немотивированных представлениях. Отмечу, что наряду с обозначенными выше “факторами риска” Абрамова выделяет и факторы второго рода, закладывающиеся уже в ходе создания и обоснования экспертных методов, а именно – психологически некорректные модели знаний экспертов либо принятие линейной модели при аппроксимации.

Очевидно, что анализ деятельности экспертов и их возможные ошибки являются предметом достаточно глубокого анализа серьезных специалистов, где учитывается возможность “активной” экспертизы, при которой эксперт имеет собственные цели, кроме артикуляции “объективной точки зрения”. Иначе говоря, эксперт рассматривается как разновидность “прибора”, данные которого могут давать и ошибку, но устранимую до минимума с помощью специальных процедур. Другая сторона процесса экспертизы – заказчик – вообще не является предметом анализа, и по умолчанию предполагается, что его цель – получение научно-обоснованного заключения эксперта, которое поможет принять более правильное (с точки зрения общественного блага) решение. Иначе говоря, предполагается, что и эксперт, и заказчик экспертизы действуют в рамках “линейно-автономной модели” [Сунгуров 2015].

Рассмотрим теперь работы, в которых анализируется практика применения экспертизы *в области международных отношений*. Развитие научного обоснования практики международных отношений в советское время проходило относительно свободнее, чем общественных наук в целом. Это было связано с тем, что формирование мировых процессов не зависело от господствующей в нашей стране идеологии, так как мир, к счастью, не подчинялся власти КПСС. Поэтому в рамках теории международных отношений получили свое развитие и методы политического анализа, а сама политическая наука в среде специалистов по международным отношениям рассматривалась именно как наука, а не как буржуазная лженаука.

Не случайно и первый в России факультет политологии возник в 1998 г. именно в Университете МИД РФ – МГИМО, так как именно здесь политическая наука начала развиваться еще в советское время. Профессорами МГИМО А. Богатуровым, Н. Косолаповым и М. Хрусталевым была подготовлена и опубликована в 2002 г. монография “Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений” [Богатуров, Косолапов, Хрусталеv 2002]. В четвертой главе этой книги, посвященной нормативному политическому анализу, ее автор, профессор Хрусталеv, большое внимание уделяет именно политической экспертизе. Он определяет экспертизу достаточно общо: “Под экспертизой принято понимать опрос высококвалифицированных специалистов (экспертов) с целью получения от них вторичной информации об исследуемом объекте. Объектом политической экспертизы является, как правило, существующая политическая ситуация или один из ее аспектов, так как она в подавляющем большинстве случаев является одной из стадий подготовки политических решений. В отличие от содержательного исследования она проводится в сжатые сроки и по четко определенной ее организаторами тематике” [Хрусталеv 2002, с. 89]. Хрусталеv выделяет четыре группы качеств, которыми должен обладать специалист, претендующий на звание эксперта: компетентность, профессиональный опыт, интеллект и характер. При этом под компетентностью подразумеваются не только серьезные знания в определенной области, но и знания в смежных областях (для специалиста по конкретным странам таковыми будут экономика, право, военное дело). Эта компетентность должна быть подкреплена и практическим опытом самостоятельного политического анализа. Важно также иметь сбалансированный интеллект, в котором в определенном соотношении представлены и логические способности, и интуиция. В случае неординарных экспертов возможно и их разделение на экспертов-рационалистов и экспертов-интуитивистов. Среди наиболее важных свойств характера экспертов Хрусталеv выделяет неконформизм и толерантность. Неконформизм необходим, чтобы сохранить свою профессиональную точку зрения даже в условиях господства альтернативной позиции, а толерантность – чтобы суметь дипломатически донести до лиц, принимающих решения, даже непопулярную сегодня точку зрения или позицию, в том числе и используя дозированную конструктивную критику.

Хрусталеv выделяет три основные цели, которые ставятся перед экспертным исследованием: информационно-аналитическая, аналитико-прогностическая и операциональная (на практике иногда востребована и фактологическая информация, но для ее получения исследование не требуется, достаточно справки эксперта-страноведа узкого профиля). Для лиц, принимающих решения, как правило, наиболее востребована именно операциональная информация, содержащая перечень необходимых мероприятий, которые могли бы подавить нежелательные и стимулировать желательные тенденции. Хорошо зная практический опыт проведения различных политических экспертиз, он особо останавливается на феномене псевдоэкспертизы, которая проводится для обоснования точки зрения ее организаторов, а иногда – уже принятого политического решения: «Псевдоэкспертиза – это чисто пропагандистское мероприятие. Это непосредственно отражается на ее форме. Как правило, она представляет собой свободную коллективную экспертизу (“круглый стол”), где заранее организованное единодушие легко маскируется дискуссией по деталям, не имеющим серьезного значения. Одним из наиболее надежных признаков псевдоэкспертизы является ее открытость, а тем более публичность, так как без это-

го ее пропагандистский характер теряется. Реальная политическая экспертиза всегда носит закрытый характер» [Хрусталева 2002, с. 97–98].

Через год после появления монографии, в которой содержится этот текст Хрусталева, вышел в свет тематический номер “Политики и эксперты” журнала российской внутренней и внешней политики “*Pro et Contra*”, учредителем которого был фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*). Он открывался двумя статьями специалистов в области международных отношений – А. Загорского и Н. Косолапова, обладавших опытом достаточно тесного взаимодействия с властью, включая и опыт работы в самих властных структурах.

Загорский прежде всего обращает внимание на то, что значительный объем экспертного обеспечения внешнеполитических решений приходится на государственные структуры – прежде всего МИДа (а ранее, в период СССР, – и на Международный отдел ЦК КПСС), которые готовили аналитические материалы для политического руководства, разрабатывали рекомендации, оценивали варианты решения выявленных проблем. Советы же внешних экспертов играют в этом процессе лишь вспомогательную роль [Загорский 2003]. По-видимому, для современной ситуации необходимо учитывать и роль соответствующих структур в администрации Президента РФ. Рассматривая именно внешнюю экспертизу в процессе принятия внешнеполитических решений, он выделяет следующие три ее аспекта, важные для понимания процесса подготовки таких решений:

- при принятии политических решений любая страна сталкивается не только с чисто политическими, но и с более широкими обстоятельствами, например природными процессами или техническими возможностями для каких-то действий. В таких случаях научная экспертиза (в области новых технологий, экономики и т.д.) может стать важной частью принятия внешнеполитических решений;

- в некоторых странах, например в США, при смене власти той или иной партии вместе с новым руководством на значимые государственные позиции приходят и представители экспертного сообщества, которые в этой ситуации становятся уже частью государственной машины;

- важно увидеть границу между наукой о международных отношениях в целом и прикладной наукой. По мнению Загорского, “значительный объем традиционных академических исследований по существу сводится к обобщению уже накопленных знаний. Задачи же прикладной науки начинаются тогда, когда необходимо понять и кратко изложить суть новой проблемы, которой не посвящена еще ни одна публикация” [Загорский 2003, с. 11].

В центре внимания этой статьи стоит вопрос о том, что должен делать эксперт в области внешнеполитической деятельности, чтобы лицо, принимающее решение (ЛПР), прислушалось к его точке зрения. Загорский формулирует четыре стратегии подобных действий:

- формирование политического дискурса, в частности, через яркие публикации, формирующие образ мышления в академической среде (примеры – книги “Конец истории” Ф. Фукуямы или “Столкновение цивилизаций” С. Хантингтона);

- “дорого яичко к Христову дню”, в которой, по сути, используется концепция “окон возможностей”. Профессиональные сотрудники исполнительной власти хранят наработки и предложения внешних экспертов, чтобы при открытии такого “окна возможностей” успеть подготовить конкретные проекты решений;

- конструктивное взаимодействие с аппаратом внешнеполитических ведомств и политическим сообществом, осуществляемое в ходе традиционных для демократических стран неформальных встреч политиков и экспертов “без галстуков”. В их ходе отчасти снимаются иерархические барьеры и достигается более конструктивный обмен мнениями;

- публичные выступления в СМИ в случаях, когда прямые коммуникации с политиками дают сбои. Но такая практика будет эффективной, предупреждает Загорский, лишь в обществе с устоявшейся культурой терпимости к “инакомыслию”.

Косолапов в своей статье выделяет два типа политической экспертизы. Первый – эксперты оценивают проекты решений с точки зрения их экологических, технико-экономи-

ческих или технологических достоинств или недостатков. Второй – рассматриваются и оцениваются социальные аспекты и последствия принимаемых решений для объекта экспертизы (нужен ли такой тип выгоды, кому за нее придется платить и т.д.). По мнению автора, политики высшего уровня заинтересованы в первую очередь в экспертизе второго типа. Отмечается также, что “принятие решения” (*decision-making*) не тождественно “решению проблемы” (*problem-solving*) и – что самое важное в отношениях политика и эксперта – понять, чего хочет политик от эксперта [Косолапов 2003]. Так, среди других причин потребности политиков в экспертных советах Косолапов называет легитимацию их деятельности. А среди правовой, политической, научной, конфессиональной и психологической легитимаций ведущую роль, по его мнению, играет именно психологическая легитимация, которая в Средние века основывалась на легитимации конфессиональной [Косолапов 2003, с. 21].

Автор выделяет три потока политики, каждый из которых требует своего собственного типа экспертов.

Исторически первой появилась политика, выполнявшая роль “психиатрической клиники” для патологически нуждающихся в ней харизматических личностей. Тут необходим лишь такой тип экспертизы, который можно назвать “ученым советом при Чингисхане”.

Второй тип – политика как арбитр в торге. Здесь обязательно ясное понимание своих и чужих интересов, баланса выгод и противоречий, что подразумевает сценарные прогнозы. Серьезное же прогнозирование подразумевает наличие профессиональных навыков и технических ресурсов, то есть экспертизы в современном смысле этого понятия.

Третий тип – политика-правление (*governance*) – требует самого широкого спектра экспертизы. “Ее задача-минимум – отыскать (или помочь найти) в жестко заданных условиях оптимальное решение, соответствующее заданным приоритетам и критериям. Задача-максимум – спроектировать и развить единую целостную технологию формирования, принятия и выполнения решений или курса. Уровень таких поисков может быть от локального, внутрифирменного, до глобального” [Косолапов 2003, с. 22]. Развиваемая в рамках политики данного типа экспертиза получила также и функцию лоббирования. Тут политик должен сам решать, предлагается ли ему объективная экспертиза или же он имеет дело со скрытым лоббизмом, соответствующим интересам его заказчика.

Таким образом, анализ роли и функций экспертизы при принятии политических решений в области международных отношений наряду с инструментальной функцией экспертизы (когда заказчика интересуют именно знания эксперта в конкретном направлении деятельности) выявляет как существенную и символическую функцию экспертизы в том или ином ее варианте. Заказчик экспертизы в рамках этого подхода выглядит более реалистично, чем в рассмотренных ранее технократических подходах. Здесь уже возможно использование экспертов вовсе не в целях общественного блага, а для достижения своих личных или корпоративных интересов. Эксперт при этом становится далеко не “объективным прибором”, а активной личностью, которая сама способна предпринимать определенные действия, чтобы его позиция оказалась услышанной и полезной для лиц, принимающих решения. (По сути, это близко к “мыслям Штирлица-Исаева” из сериала “Семнадцать мгновений весны” о том, что надо сделать, чтобы его советы были восприняты его шефом – Шелленбергом.) Более того, для эксперта допускается даже возможность влияния на ЛПР с помощью общественного мнения, то есть определенные самостоятельные действия вне служебных кабинетов. Правда, эта рекомендация сопровождается комментарием, что такая практика будет эффективной лишь в обществе с устоявшейся культурой терпимости к “инакомыслию”.

Обратимся теперь к двум случаям российских (ранее – советских) экспертных сообществ, где активная гражданская позиция эксперта рассматривается не только как возможная, но в ряде случаев и как необходимая. Поскольку в период существования СССР за обоснованность принятия важных решений отвечали КПСС и ее руководство, которые, по определению, ошибаться не могли, то традиционным было использование поня-

тия “экспертиза” в его нормативном смысле, то есть экспертиза судебная, медицинская и т.д. Понятно, что в этой сфере необходимой была надлежащая регламентация экспертизы и ее строгое исполнение. Однако и в советское время существовали области, где компетенция эксперта, его (или их) репутация у конкретных политиков в более значительной мере влияла на принятие конкретных решений в сферах управления и международной деятельности.

Вместе с тем существовало еще одно направление, связанное с определенным, *мыследеятельностным подходом* к решению любых управленческих проблем. Примером такого направления, в котором, по определению, предполагалась активная позиция специалиста-эксперта, связанным с деятельностью физика и философа Г. Щедровицкого, стала работа основанного им Московского методологического кружка [Георгий Петрович... 2010]. Благодаря ему и его ученикам в СССР сложилось так называемое методологическое движение – достаточно оригинальное и не имеющее прямых аналогов в других странах, – а по сути, реальное эпистемологическое сообщество или экспертная сеть. Строгий и глубокий анализ процесса мышления, который привел к формулировке концепции мыследеятельности, широкое использование рефлексии и анализа самого процесса обсуждений и принятия решений сочетались в рамках школы Щедровицкого с использованием этих подходов к решению практических задач. При этом важную роль играли рабочие семинары, превращавшиеся в своеобразные коллективные мозговые штурмы и проводившиеся по своим правилам и процедурам. Широко использовался, например, метод “проблематизации ситуации”.

Одновременно представители школы Щедровицкого выполняли важную роль консультантов по оргразвитию, в процессе проводимых ими оргдеятельностных игр разрабатывались программы развития ряда крупных предприятий и даже целых регионов, например экономики БАМа, безопасности атомных станций. Уже в годы перестройки ими была подготовлена и проведена процедура выборов руководителей Рижского автозавода микроавтобусов, организация свободных экономических зон и т.д.

Сегодня в России и в ряде других стран бывшего СССР существуют различные направления развития методологического движения, среди которых следует отметить работы и деятельность сына его основателя, П. Щедровицкого, а также С. Попова и Ю. Громыко, О. Анисимова, А. Зинченко и др. В 2000 г., после создания федеральных округов и назначения полномочным представителем Президента РФ в Приволжском ФО С. Кириенко, участвовавшего еще в советское время в оргдеятельностных играх, под руководством Щедровицкого был создан Центр стратегических исследований ПФО, действовавший как “Фабрика мысли” при полпреде. Важно отметить, что к процессу разработки аналитических докладов Центра привлекались ведущие эксперты из Москвы, Петербурга, из различных регионов России и других стран. Эти доклады, а в особенности доклад “Государство. Антропоток” [Доклад... 2002], стали заметным событием не только в экспертном, но и в российском научном сообществе.

Еще в советское время, в начале 1980-х гг., появилось направление исследователей, развивавших альтернативную классическим управленцам концепцию *гуманитарной экспертизы*. В ее рамках любые управленческие решения и их проекты оценивались с позиций их влияния на состояние и совершенствование человека, который, в отличие от советского подхода, рассматривался как центральное звено любого развития. Проблемы этики тем самым становились центральными. Это направление было связано прежде всего с представлениями В. Бакштановского, работавшего в Томске и в Тюмени. Еще в 1983 г. он выдвинул идею экспертно-консультативной функции прикладной этики [Бакштановский 1983]. В предисловии к первому в нашей стране сборнику статей по гуманитарной экспертизе Бакштановский так характеризует это понятие: “...Гуманитарная экспертиза и консультирование – это особый вид приложения комплекса научных знаний о морали и воспитании, организованных вокруг этического ядра – прикладной этики... Гуманитарная экспертиза и консультирование – это научно-практическая (прикладная) деятельность ученого, предоставляющая ему возможность лично участвовать в нравственном обновлении общества, это способ самореализации в гражданском плане и

способ проявления гражданской активности... гуманитарная экспертиза – это особое взаимоотношение науки и практики, специфический вид теоретизирования, нетрадиционный процесс подготовки решения” [Бакштановский 1992, с. 4].

В нашей стране концепция гуманитарной экспертизы развивалась и развивается в двух основных направлениях, которые были охарактеризованы как “этико-прикладное” (В. Бакштановский, В. Сагатовский и др.) [Братченко 1990] и “экстремально-психологическое” [Хараиш 1996].

Второе из двух направлений получило развитие в результате объединения с социологами и философами, при этом важным этапом обсуждаемой концепции стало проведение в июне 2004 г. в подмосковном Звенигороде “круглого стола”, фактически – мозгового штурма, посвященного перспективам институционализации гуманитарной экспертизы. В нем приняли участие такие известные отечественные и зарубежные психологи, философы, лингвисты, как: А. Асмолов, А. Леонтьев, Д. Леонтьев, Г. Тульчинский, М. Эпштейн и другие ведущие специалисты. Среди его итогов – появившаяся в 2005 г. программная статья “К системной методологии комплексной гуманитарной дисциплины” [Иванченко, Леонтьев, Сафуанов, Тульчинский 2005]. Годом позже вышел сборник “Экспертиза в современном мире”, развитие этого направления отражено в вышедшей в 2011 г. коллективной монографии [Философия... 2011].

В кратко рассмотренных сообществах – участников методологического движения и сторонников гуманитарной экспертизы – в центре внимания находится уже эксперт с активной позицией. Он не только консультирует ЛПР, но и в случае гуманитарной экспертизы считает возможным самостоятельно дополнять узкопрофессиональную экспертизу вопросами о возможных последствиях принимаемых решений для здоровья и безопасности человека, то есть в тех сферах, которых в условиях линейно-автономной модели он не должен касаться. Иначе говоря, он как бы втягивает ЛПР в ситуацию модели “добродетельного разума”, предложенную Ш. Джасанофф (см. [Сунгуров 2015]). Что касается участников методологического движения, то они изначально начинают работу с теми ЛПР, кто, сам пройдя через оргдеятельностные игры, уже понимает эффективность совместной работы по обсуждению проблем и затем их решению с экспертами-методологами.

В данной статье я проанализировал широкий спектр вариантов взаимодействия экспертов и власти в процессе подготовки и принятия решений: от эксперта, чья функция ограничена предоставлением исключительно информации по конкретной теме для заказчика, действительно желающего ее получить для повышения эффективности своей деятельности (традиционная экспертиза в области управления и прогнозирования), – до экспертов с активной гражданской позицией, которым небезразличны последствия принимаемых властью решений для общества и человека (гуманитарная экспертиза) и которые работают только с теми заказчиками, которые готовы к реальному сотрудничеству и сотворчеству с ними (эксперты-методологи). Как распространить подходы гуманитарной экспертизы во всех направлениях современной публичной политики? Этот вопрос пока остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова Н.А. (2002) О некоторых мифах в оценке качества программного обеспечения // Надежность. № 1 (8). С. 38–63.

Абрамова Н.А. (2007) О проблеме рисков из-за человеческого фактора в экспертных методах и информационных технологиях // Проблемы управления. № 2. С. 11–21.

Бакштановский В.И. (1992) Предисловие // Гуманитарная экспертиза. Возможности и перспективы. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.И. Бакштановский и Т.С. Караченцева. Новосибирск: Наука, Сиб. Отд.-ние. С. 3–7.

Бакштановский В.И. (1983) Этика как “практическая философия”: традиционные образы и современные подходы. М.: Знание.

- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. (2002) Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий.
- Братченко С.Л. (1999) Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты). М.: Смысл.
- Бурков В.Н., Новиков Д.А. (2007) Как управлять проектами. М.: Синтег.
- Георгий Петрович Щедровицкий (2010) Под ред. П.Г. Щедровицкого, В.Л. Даниловой. М.: РОССПЭН.
- Добров Г.М., Ершов Ю.В., Левин Е.И. (1974) Экспертные оценки в научно-техническом прогнозировании. Киев: Наукова думка.
- Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа “Государство. Антропоток” (2002) Нижний Новгород; Москва.
- Загорский А. (2003) Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // *Pro et Contra*. № 2. С. 7–17.
- Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Сафуанов Ф.С., Тульчинский Г.Л. (2005) К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии / Гл. ред. В.В. Новиков. Ярославль: МАПН. С. 89–110.
- Кара-Мурза С. Экспертное сообщество России: генезис и состояние (<http://karamurza.ru/books/articles/expert.htm>).
- Косолапов Н. (2003) Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // *Pro et Contra*. № 2. С. 18–31.
- Летягин Л.Н. (2011) Профанное и сакральное: технология реконструкции культурных форм // Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. С. 209–221.
- Литвак Б.Г. (2004) Экспертные технологии в управлении. М.: Дело.
- Новиков Д.А. (2007) Теория управления организационными системами. М.: Физматлит.
- Орлов А.И. (2010) Организационно-экономическое моделирование: теория принятия решений: Учебник. М.: КНОРУС.
- Райков А.Н. (2009) Конвергентное управление и поддержка решений. М.: Икар.
- Сетевая экспертиза (2011) / Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова, проф. А.Н. Райкова. М.: Эгвес.
- Сидельников Ю.В. (1990) Теория и организация экспертного прогнозирования. М.: ИМЭМО РАН.
- Сидельников Ю.В. (2005) Технология экспертного прогнозирования: Учеб. пособие с грифом УМО Минобрнауки РФ. М.: Доброе слово.
- Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов / А.М. Баранов, П.Г. Марфицин (<http://www.lawtech.agava.ru/pub/buppdic.htm>).
- Сунгуров А.Ю. (2017) Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. № 6. С. 8–15.
- Сунгуров А.Ю. (2015) Экспертные сообщества и власть: Модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. № 3. С. 53–70.
- Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. (2017) Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // ПОЛИС. № 3. С. 144–159 (<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03>).
- Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография (2011) СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Хараш А.У. (1996) Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура // Введение в практическую социальную психологию. М.: Смысл. С. 87–129.
- Хрусталеv М.А. (2002) Нормативный политический анализ // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий. С. 85–111.

Experts and expertise in Russia: from “objective device” to active citizen

A. SUNGUROV*

* **Sungurov Alexander** – Professor, Head of department of the Applied Political Science Department of National Research University “Higher School of Economics” St. Petersburg. Address: 190008 St. Petersburg, 19 Ul. Soyuza Pechatnikov. E-mail: asungurov@mail.ru

Abstract

The objective of this paper is a comparative analysis of four examples of expert communities' participation in decision making processes of different kinds. In the framework of traditional political decisions and prognostication experts are viewed as kind of ‘devices’, whose readings can be optimized by deferent methods, and the customer of the expertise is always interested in public goods. Analyzing the role of the expertise in the international sphere the reasons for ordering an expertise are different and an active position of experts in promoting their recommendations is considered as normal, and doesn't have to be minimized.

In framework of humanitarian expertise conception civil position of experts is considered the main feature of being an expert. Finally, the expert members of the methodological movement, the followers of Georg Shchedrovitskiy actively join not only the process of decision preparation, but also try to implement their jointly developed decisions.

Keywords: expertise, expert community, humanitarian expertise, initiative expertise.

REFERENCES

- Abramova N.F. (2002) O nekotoryh mifakh v otsenke kachestva programnogo obespecheniya [About some myths in evaluation of quality of program equipment]. *Nadjezhnost'*, no. 1(8), pp. 38–63.
- Abramova N.F. (2007) O problemakh riskov iz-za chelovecheskogo faktora v ekspertnykh metodakh i informatsionnykh tehnologiyah [About problem of risks from human factor in expert methods and information technologies]. *Problemy upravleniya*, no. 2, pp. 11–21.
- Bakshatanovskiy V.I. (1983) *Etika kak “prakticheskaya filosofiya”: traditsionnye obrazy i sovremennye podhody* [Ethics as “practical philosophy”: traditional images and contemporary approaches]. Moscow: Znaniye.
- Bakshatanovskiy V.I. (1992) Predisloviye [Introduction]. *Gumanitarnaya ekspertiza. Vozmozhnosti i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov* [Humanitarian expertise. Possibilities and perspective]. Ed. by V.I. Bakshatanovskiy, T.S. Karachentseva. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye, pp. 3–7.
- Bogaturov A.D., Kosolapov A.D., Hrustalev M.A. (2002) *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh onnosheniy* [Etudes of theory and methodology of political analysis of international relations]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
- Branchenko S.L. (1999) *Vvedeniye v gumanitarnuyu ekspertizu obrazovaniya (psihologicheskie aspekty)* [Introduction into humanitarian expertise (psychology aspects)]. Moscow: Smysl.
- Burkov V.N., Novikov D.A. (2007) *Kak upravlyat' proekty* [How to manage projects]. Moscow: Synteg.
- Dobrov G.M., Ershov Yu.D., Levin E.I. (1974) *Ekspertnye otsenki in nauchno-tehnicheskoy prognozirovaniy* [Expert assessment in science and technical forecast]. Kiev: Naukova Dumka.
- Doklad Tsentra strategicheskikh issledovaniy Provolzhskogo federal'nogo okruga “Gosudarstvo. Antropotok (2002) [Report of Centre of strategic research of Provolzhskiy Federal District “State. Anthropic Flow”]. Nizniy Novgorod-Moscow.
- Filosofiya i kul'turologiya v sovremennoy ekspertnoy deyatel'nosti: kollektivnaya monografiya* (2011) [Philosophy and culture studies in contemporary expert activities: collective monograph]. St.-Petersburg: RGPU.

- Georgiy Petrovich Shchedrovitskiy (2010) [Georgiy Petrovich Shchedrovitskiy]. Pod red. P.G. Shchedrovitskogo, V.L. Danilovoy. Moscow: ROSSPEN.
- Harash A.U. (1996) Gumanitarnaya ekspertiza v ekstremal'nykh situatsiyah: ideologiya, metodologiya, protsedura [Humanitarian expertize in extreme situations: ideology, methodology, procedure]. *Vvedeniye v prakticheskuyu sotsial'nuyu psikhologiyu* [Introduction in practical social psychology]. Moscow: Smysl, pp. 87–129.
- Hrustalev M.A. (2002) Normativnyy politicheskoye analysis [Normative political analysis]. Bogaturov A.D., Kosolapov A.D., Hrustalev M.A. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh onnosheniy* [Etudes of theory and methodology of political analysis of international relations]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, pp. 85–111.
- Ivanchenko G.V., Leont'ev D.A., Safuanov F.S., Tul'chinskiy G.L. (2005) K sistemnoy metodologii kompleksnoy gumanitarnoy ekspertizy [System methodology of complex humanitarian expertize]. *Trudy Yaroslavskogo metodicheskogo seminara. Tom 3. Metod psikhologii* [Proceedings of Yaroslavl' methodology seminar. Vol. 3. Method of psychology]. Yaroslavl': MAPN, pp. 89–110.
- Kara-Murza S. *Ekspertnoye soobshchestvo Rossii: genesis i sostoyanie* [Expert community of Russia: genesis and condition] (<http://kara-murza.ru/books/articles/expert.htm>).
- Kosolapov N. (2003) Politika, ekspertiza, soobshchestvo: uzly vzaimozavisimosti [Politics, expertize, society: centers of mutual dependence]. *Pro et Contra*, no. 2, pp. 18–31.
- Letyagin L.N. (2011) Profannoe i sakral'noye: tehnologiya rekonstruktsii kul'turnykh form [Profane and sacral: technology of culture forms reconstruction] *Filosofiya i kul'turologiya v sovremennoy ekspertnoy deyatel'nosti: kollektivnaya monografiya* [Philosophy and culture studies in contemporary expert activities: collective monograph]. St.-Petersburg: RGPU, pp. 209–221.
- Litvak B.G. (2004) *Ekspertnye tehnologii v upravlenii* [Expert technologies in government]. Moscow: Delo.
- Novikov D.A. (2007) *Teoriya upravleniya organizatsionnymi sistemami* [Theory of government by organizational systems]. Moscow: Fizmatgiz.
- Orlov A.I. (2010) *Organizatsionno-ekonomicheskoye modelirovanie: teoriya prinyatiya resheniy: Uchebnik* [Organizational-economic modeling: theory of decision making: textbook]. Moscow: KNORUS.
- Raykov A.N. (2009) *Konvergentnoye upravlenie i podderzhka resheniy* [Convergent government and support of decisions]. Moscow: Ikar.
- Setevaya ekspertiza* (2011) [Net expertize]. Ed. by D.A. Novikova, A.N. Raykova. Moscow: Egves.
- Sidelnikov Yu.V. (1990) *Teoriya i organizatsiya ekspertnogo prognozirovaniya* [Theory and organization of expert prognostics]. Moscow: IMEMO RAN.
- Sidelnikov Yu.V. (2005) *Tehnologiya ekspertnogo prognozirovaniya: Uchebnoye posobiye* [Technology of expert prognostics: textbook]. Moscow: Dobroye slovo.
- Slovar' osnovnykh ugovovno-protseesnykh ponyatiy i terminov [Dictionary of main criminal-procedural concept and terms]. Ed. by A.M. Baranov, P.G. Marfinityn (<http://www.lawtech.agava.ru/pub/buppdic.htm>).
- Sungurov A.Yu. (2015) Ekspertnye soobshchestva i vlast': modeli vzaimodeystviya, osnovnye funktsii i usloviya ikh realizatsii [Expert communities and power: models of interaction, main functions and conditions of its realization]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 53–70.
- Sungurov A.Yu. (2017) Rol' i funktsii ekspertov v protsesse prinyatiya vlastnykh resheniy [Role and functions of experts in process of policy decision making]. *Upravlencheskoye konsul'tirovanie*, no. 6, pp. 8–15.
- Sungurov A.Yu., Karyagin M.E. (2017) Russiyskoye ekspertnoye obshchestvo i vlast': osnovnye formy vzaimodeystviya [Russian expert community and government: main forms of interaction]. *POLIS*, no. 3, pp. 144–159 (<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03>).
- Zagorskiy A. (2003) Ekspertnoye soobshchestvo i vysshnepoliticheskoye isteblishment [Expert community and foreign affairs establishment]. *Pro et Contra*, no. 2, pp. 7–17.